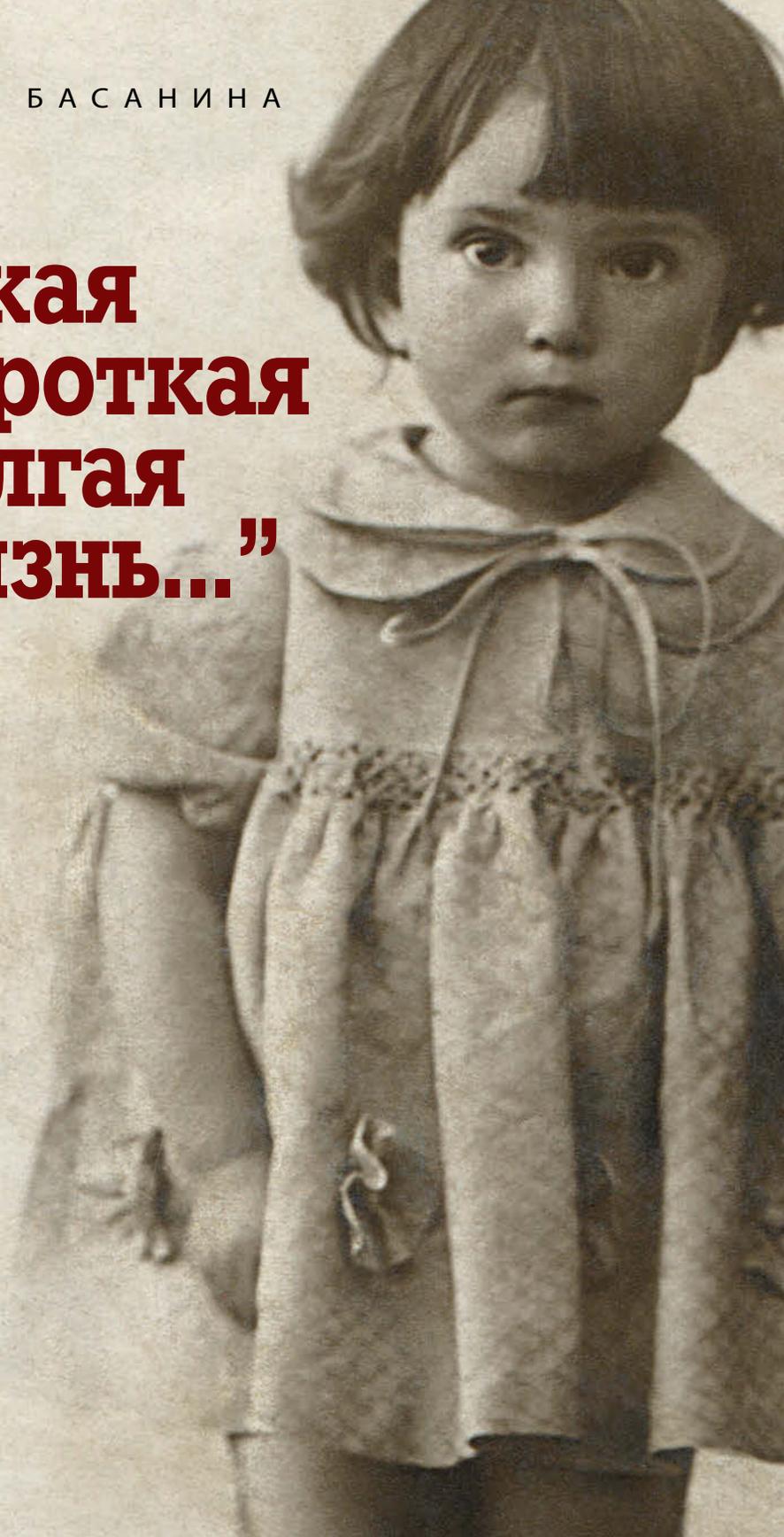

НИНА БАСАНИНА

**“Такая
короткая
долгая
жизнь...”**

НИНА БАСАНИНА

НИНА БАСАНИНА

“Такая
короткая
долгая
жизнь...”

БОСТОН • 2025 • BOSTON

Нина Басанина: «Такая короткая долгая жизнь...»

Nina Basanina: “Such a Short Long Life...”
(“*Takaya korotkaya dolgaya zhizn’...*”)

Copyright © 2025 by Nina Basanina

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-960533777

Published by M•Graphics | Boston, MA
www.mgraphics-books.com
mgraphics.books@gmail.com

Book design by Denis Lazarev
Typesetting by Eugenia Zhuravleva
Proofreading by Anna Abramova

Printed in the United States of America

СОДЕРЖАНИЕ

«Такая короткая долгая жизнь...»	7
Начало	9
Высылка. Поволжье	21
Эвакуация	23
Берёзовск	27
Казахстан	30
Украина	35
Чертков, Западная Украина	36
Москва	40
Рыбинск	42
Башкирия	44
Вторая высылка. Назия	51
Ленинград	53

Ленфильм.	58
Реабилитация	67
Анастасия Яковлевна	71
Новый этап	75
Я — Габараева.	80
Осетия	88
Развод.	91
Вперёд, к новой жизни.	94
Обыкновенное чудо	101
Второй раз в ту же реку	107
Подвиг	109
Семейные невзгоды	113
Андрей	119
Ричард Пайпс	124
Итак, Америка	131
Бостон, XXI век	144
Кроткий Нельсон	157

“Такая короткая долгая жизнь...”

ВОСПОМИНАНИЯ

Такая короткая долгая жизнь... Да... Чья ж это фраза? Не моя. А чья? Не помню... Вот в том-то и дело: не помню... Она, фраза эта, годится, наверное, для определения любой жизни... Почти любой... Да какая разница! Моя жизнь... Длинная и короткая... Уже поблёскивает свет в конце туннеля.

Подхожу к зеркалу. Между прочим, подхожу, а не подползаю! Даже почти подлетаю, подпархиваю. Ну что, издали, то есть общим планом, совсем неплохо. Даже почти хорошо: почти стройна, тёмные волосы с красивой проседью — белыми прядками, как будто сделанными нарочно, как сейчас модно. Цвет лица вполне приличный, а губы как будто слегка подкрашены. Мне даже стоматолог однажды сказал: «Снимите помаду»; — а я вообще косметикой никогда не пользуюсь! Он удивился, а я втайне возгордилась. Да так, в общем, вполне ничего для возраста за восемьдесят! Надеваю очки, и — боже! Какой ужас! Нет! Это же не лицо, а кошмарная морщинистая рожа! Такая, какая и есть на самом деле! А в общем-то, мне, как говорит молодёжь, наплевать. Только в очках не стоит подходить близко к зеркалу. Мои ровесники видят так же как и я, то есть плохо, лишь в общем, а для молодых мы и в сорок старики.

Да, так о жизни. Вернее, о фразе. Нет, всё-таки именно о жизни. Память как будто издевается: мелькнёт ответ и, взмахнув крылышками, улетает...

«Я твёрдо решился и тут же забыл,

На что я так твёрдо решился...»

(Георгий Иванов, один из моих любимых поэтов.)

Вот уже довольно давно сын требует, вернее, настоятельно просит, чтобы я наконец начала писать свои воспоминания. (Мемуары? Какое-то слишком высокопарное слово! Значит, воспоминания.) А у меня то нет вдохновения, то неподходящее настроение, то просто лень.

Но вообще-то пора.

Времени остаётся не так уж и много. Часов? Дней? Жизни? Я легко пишу стихи. У меня мысли сами собой складываются и выливаются в строчки. «Ну хорошо, — сказал сын. — Пиши стихами».

Но воспоминания... Жизнь в стихах? Как-то слишком надуманно...

Хорошо, решила я, буду писать как пишется. С чего начать? Что помню? И сразу из памяти лезут стихи:

Что помнится? Мутно...

Что помнится? Мало...

Дорога, дорога... Вокзалы, вокзалы...

Что помнится ясно?

Что помнится много?

Вокзалы, вокзалы... Дорога, дорога...

Так с чего начать?

Начало

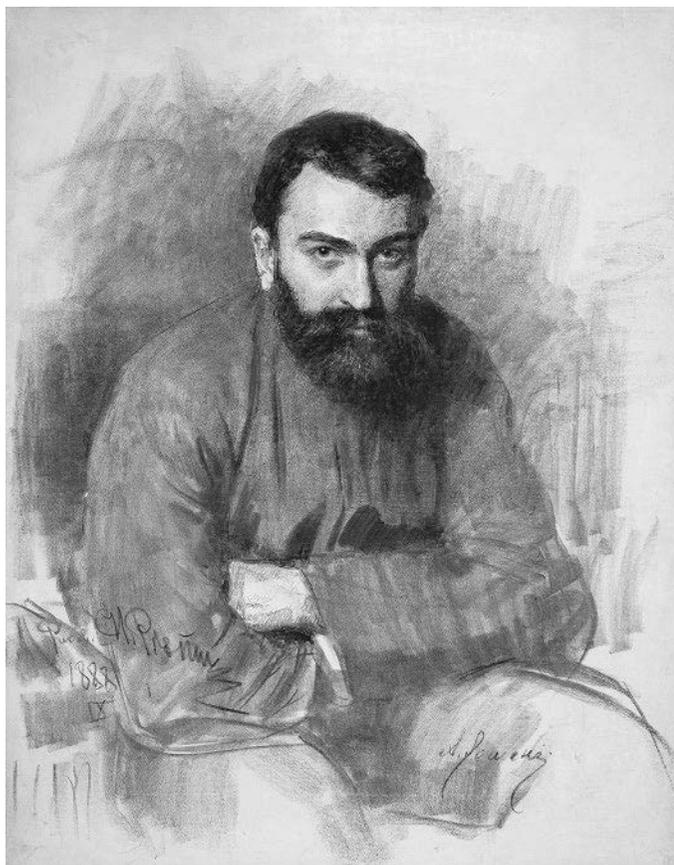
Я не знаю, как познакомились мои родители. Мама, начинающая балерина Мариинского театра, и папа, инженер, приехавший в Петроград из Варшавы по делам...

Мама Лидия Анатольевна Басанина была из петербургской образованной семьи. Её отец, потомственный дворянин Анатолий Иванович Леман, окончил Московский кадетский корпус, затем военное училище в Петербурге, провёл несколько лет на службе. Выйдя в отставку, дед женился на молодой москвичке и переехал вместе с ней в Петербург. Но вскоре влюбился в необычную начинающую писательницу Лидию Лашееву (дед вообще легко увлекался женщинами) и ушёл к ней, оставив первую жену. Он хотел расторгнуть брак, но развода не получил, поэтому они с бабушкой так и не смогли официально пожениться.

Лидия Алексеевна была уникальной личностью: музыка, спорт, семь языков, несколько изданных романов и девять детей. Как я узнала из старых газет, она была первой женщиной, получившей право ездить по Петербургу на велосипеде. Короче, эмансипированная дама конца XIX — начала XX века. Всех своих детей она учила плавать, просто бросая в воду. Ну, конечно, находясь рядом на всякий случай. В результате дети быстро освоили плавание.

Моя бабушка много путешествовала. объездила множество стран, выиграла велосипедные гонки в Южной Америке и даже купила участок земли в Аргентине. Так что мои родственники и я, между прочим, наследственные землевладельцы!

Бабушка говорила с детьми только по-французски, нисколько не заботясь, понимают они её или нет. Видимо, понимали. Во всяком случае этот язык запал в нас, в меня по крайней мере. И потом, уже в школе, где в те времена иностранным языком был повсеместно немецкий, мне классе в четвёртом попался французский. Он пошёл на редкость легко, наверное, откуда-то из подсознания выплыл. С тех ранних детских времён и до сих пор я помню некоторые французские стишки и песенки. Этот предмет и в университете был мне не только нетруден, а даже приятен. Конечно, сейчас

Дед Анатолий Иванович Леман
Портрет работы И. Е. Репина, 1888
Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

My grandfather Anatoly Ivanovich Leman
Portrait by Ilya Repin, 1888
State Russian Museum, St. Petersburg

я ничего, кроме тех самых песенок, из языка не помню. Но вот ведь странно: читать по-французски мне по-прежнему легче, чем по-английски, хотя словарного запаса, конечно, нет — уплыл. И, кстати, французское произношение у меня лучше американского.

Дед Анатолий Иванович — тоже фигура незаурядная. Он увлекался многим и всегда с успехом: то инженерным делом — чуть са-

Бабушка Лидия Алексеевна Лашеева
(Марк Басанин). Около 1902

My grandmother Lydia Alekseyevna Lasheyeva
(Mark Basanin). Circa 1902

молёт не построил, то зубоврачебной техникой — получил диплом и даже кабинет свой открыл. Говорят, что практиковал он очень успешно, но и это занятие бросил.

С юности дед увлекался музыкой, играл на скрипке. После выхода в отставку стал интересоваться скрипичным делом всерьёз и вскоре сам начал изготавливать инструменты. Изучив это ре-

месло досконально (как и всё, чем интересовался), ездил в Италию за деревом для своих скрипок. Говорил, что только там есть особое, для него необходимое. Посещал и другие страны, иногда брал с собой кого-нибудь из детей. Достиг в искусстве построения смычковых инструментов удивительного мастерства и получил прозвище «русский Страдивари».

Я видела в питерском музее музыкального искусства несколько инструментов, сделанных им. Все они были подписаны. Я испытала гордость за деда, глядя на них. У мамы оставалась одна его скрипка, но в голодные годы пришлось её продать. За гроши, конечно. Я хорошо помню, как знакомый дирижёр Тимур Мынбаев искал инструмент для своей дочки и, не найдя ничего подходящего в магазинах, взял скрипку напрокат из московской музыкальной Госколлекции. Она оказалась скрипкой работы Лемана. Тот дирижёр тогда не знал, кто это такой. Помню, как он говорил, что инструмент замечательный, но в очень плохом состоянии, как и многие в той коллекции. Ремонтировал он скрипку за свои деньги и долго восхищался звуком. Потом, конечно, пришлось вернуть её обратно.

Ещё одним серьёзным увлечением деда был бильярд. Пишут, что бильярдистом он был редкостным, практически не знавшим поражений. Об этом есть несколько интересных рассказов в книге И.В. Балина «Поэма о бильярде», вышедшей в 1991 году. Оказывается, в бильярде до сих пор существует «лемановский удар», который почти никто не может повторить. Мне даже подарили фильм, в котором этот удар упоминается. Не так давно о Лемане на телеканале «Культура» была показана передача «Мессия скрипки и бильярда»; он, кажется, и сам себя так называл. Удивительная личность!

Дед был знаком с большим кругом художников, литераторов и музыкантов. Существует легенда, что, услышав однажды юного Яшу Хейфеца, он за руку привёл его в консерваторию. Портрет деда работы Ильи Репина хранится в Русском музее в Санкт-Петербурге. У меня же осталось только фото этого портрета...

И бабушка, и дед много писали. Но где эти книги? Изданные, но... Может быть, где-то в архивах лежат, а может, затерялись.

Большими писателями они, конечно, не стали. Смутно помнится, один бабушкин роман у нас был, он назывался «Ильинское наследство». Но тогда я была слишком мала, чтоб его читать, а потом... Потом всё пропало. Всё.

В общем, незаурядными личностями были наши предки. К сожалению, о более ранних почти ничего не знаю. Мать деда была из рода Ртищевых, а фамилия Леман немецкого происхождения.

Мама редко рассказывала о родителях. Дед умер в 1913 году, задолго до моего появления на свет, а о бабушке я почти ничего не помню (мне ведь было всего два года, когда мы покинули Ленинград, точнее, были высланы). Что-то прямое, строгое, с лорнетом — всё, что осталось от её образа. Вот вспомнила одну забавную историю из тех, которые, как говорила мама, дед любил рассказывать детям, описывая характер их матери.

«Ехал однажды со своей многочисленной свитой царь, и народ, толпившийся по сторонам дороги, низко кланялся, а то и падал ниц. Вдруг царь видит, что перед его эскортом посреди дороги стоит женщина. „Это что такое? — в гневе воскликнул царь. — Кто ты?“ А женщина топнула ножкой, тряхнула головкой и сказала: „Я — Лидия Алексеевна!“ И царь посторонился».

Дети были в восторге, а бабушка иронично улыбалась.

Семья у деда с бабушкой была очень большая — семеро мальчиков и две девочки, но из девяти детей до второй половины XX века дожила только моя мама. Все мальчики погибли в войнах. Первая мировая, Гражданская, Вторая мировая... В блокадном Ленинграде умерли с голоду и остатки семьи: бабушка, мамина старшая сестра Агриппина (тётя Гутя), младший брат Олег, его жена Нина и двое их детей. Выжила одна восемнадцатилетняя Лидочка, дочка тёти Гутя.

Жива она осталась по странной, даже страшной случайности: оставшись одна в пустой квартире, решила больше никуда не вылезать, да и сил не было. Она легла на кровать лицом к стенке, решив так умереть. Как все. Их квартира была открыта, и услышала Лида, как вошли в неё какие-то люди. Сначала она не поняла, кто и зачем к ней пришёл, да и всё равно ей было. Она даже

Двоюродная сестра
Лида Зарубина (Шарыгина)
на фронте. 1942–1944

My cousin Lida Zarubina
(Sharygina) during WWII.
1942–1944

Миша и Лида Шарыгины.
1950-е

Misha and Lida Sharygin.
1950s

не повернулась, а те прошли на кухню и стали там что-то делать, не заглянув к ней. Видимо, знали, что она ещё жива, так как Лида вдруг услышала голос своей подруги, с которой дружила с детства: «Очистки от картошки Лидке не оставляй!» Лида не пошевелилась, но так стало ей обидно от этих слов — ведь близкая подруга! — что под утро собрала она остатки сил, встала и побрела в военкомат. Попросилась на фронт. Там, видимо, решили, что люди нужны: молодая, пригодится. Откормили с недельку, подучили и отправили связисткой на Ленинградский фронт.

Лида была настоящей красавицей с роскошными косами и, чтоб не приставала солдатня, сошлась со своим непосредственным начальником. Сержант Миша был простой парень из рязанской деревни, добрый и вообще славный, правда, некрасивый и кургузенький, да не до того было. Так и провоевали до конца (Лиде повезло, она даже ранена не была), а после войны поженились. Он привез её в свою деревеньку, но прижиться там девочке, выросшей в образованной семье, с французским языком, было трудновато. (Отец её, тоже потомственный дворянин, погиб, как это часто случалось в те времена, в тюрьме, но вот высылки семья как-то избежала.) Короче, переехали молодожёны в Москву, окончили там техникум и, получив назначение на работу, поселились в Ростове-на-Дону. Лида довольно мирно прожила с Мишей всю жизнь.

Их дочку звали Люся, а внучку — Кристина. Окончив университет, Кристина познакомилась в загранпоездке с американским офицером, вышла за него замуж — времена-то изменились — и укатила в Америку. Мы встречались с ней несколько раз. Всё прекрасно, муж, правда, значительно старше, но трое детей, мир и достаток. На родину Кристина ни разу с тех пор не ездила и не хочет ехать. Иногда мне позванивает.

С годами Лида располнела, опростилась, только, когда грустно, берёт почитать Чехова. А однажды позвонила мне в Питер и говорит: «Представляешь! У нас в Ростове устроили Дворянское собрание! И мне — мне! — прислали особое приглашение. Сволочи! [Далее крепкими нецензурными словами.] Они же превратили меня в базарную бабу... Кто я? Ростовская базарная баба! А теперь

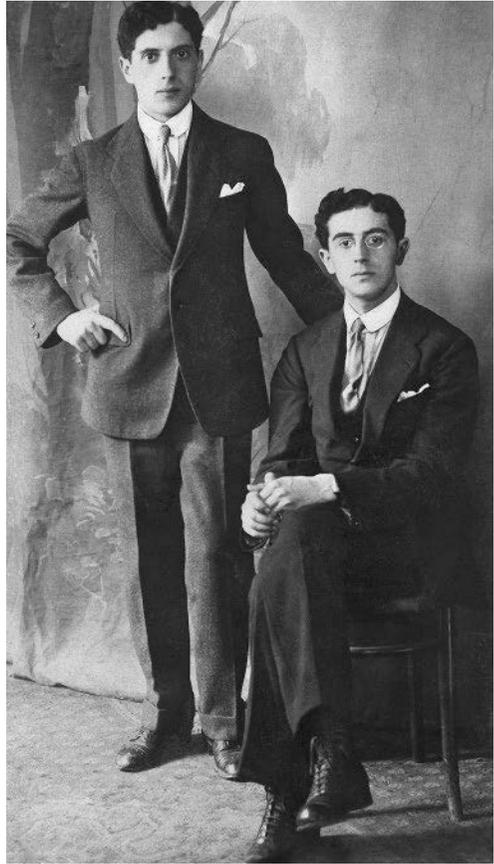

Лидия Басанина-Лашеева, балерина
Мариинского театра. Петроград, 1920

Lydia Basanina-Lasheyeva, ballerina
of the Mariinsky Theatre. Petrograd, 1920

вспомнили о дворянском происхождении! Гады!» То торжественное приглашение она порвала на мелкие клочки и долго плакала. Вот так поворачивается жизнь.

Мама окончила Петроградское балетное училище на отлично. Рассказывала, что у них была двенадцатибалльная система. Так у неё было 12 по всем предметам, потому и взяли сразу в Мариинский театр. Да только окончила она училище весной или даже в на-

Братья Герман и Генрих Гаскельберги
Петроград, начало 1920-х

Brothers German and Genrikh Gaskelberg
Petrograd, early 1920s

чале лета 1917 года, а в ноябре... В ноябре уже было не до балета. А ведь в газетах писали «будет вторая Павлова».

Несколько лет мама танцевала в Мариинском, но ещё до замужества ей пришлось уйти из театра. Она продолжала выступать на сцене, а затем окончила балетмейстерские курсы и преподавала в каких-то клубах, домах культуры и отдыха, в общем, в самодеятельности. Видимо, она была талантливым педагогом, так как её коллективы всегда занимали первые места. Я ещё помню, когда

Семьи братьев Гаскельбергов. Слева: Генрих, Валентина, двоюродная сестра Нора; справа: мама, сестра Регина, папа. Ленинград, около 1931–1932

The Gaskelberg brothers' families. On the left: Genrikh, Valentina, my cousin Nora; on the right: my mother, my sister Regina, my father. Leningrad, circa 1931–1932

я начала танцевать, вернее, заниматься в её кружках, как профессионально она нас тренировала — всё-таки Императорское училище, фирма!

Кстати, фамилия наша — Басанины — вообще-то выдуманный бабушкой Лидией Алексеевной псевдоним. Став писательницей, бабушка подписывала свои романы именем Марк Басанин. Откуда она взяла это имя, я не знаю. Отдав дочь в балерины, дала ей этот же «артистический» псевдоним — Басанина-Лашеева. В замужестве мама была Гаскельберг, но после ареста папы пришлось вернуться к девичьей фамилии — надо было выживать.

Вот так и я стала Нина Басанина.

Как и когда папа оказался в России, я не знаю. Знаю лишь, что после революции приехали из Польши два брата — Герман

и Генрих Гаскельберги, и в те годы, нэповские, кажется, устроились совсем неплохо. Оба женились на красавицах. Герман — на Лидии, брюнетке-балерине, а Генрих — на Валентине, голубоглазой блондинке. Правда, она из деревни была, простовата, но хороша! Генрих «воспитал» её как надо, нанимал ей женщину, которая занималась её образованием и обучением хорошим манерам. (Недолгие благополучные времена!) И когда братья со своими такими разными, но в равной мере восхитительными красавицами-жёнками появлялись где-нибудь «в обществе», от этих двух пар глаз не могли отвести. Братья очень гордились. Мне об этом рассказывал дядя Генрих.

Папу арестовали в 1937 году (за что — непонятно, как было непонятно никому) и дали «10 лет без права переписки». То, что это означало расстрел, мы узнали позже, уже во времена перестройки. Кстати, я часто думаю, что если бы моего папу не расстреляли и нас бы не выслали из Ленинграда, то нас бы и не было, потому что моя мама никогда бы не оставила свою мать, сестру и брата умирающими с голоду, и мы бы умерли вместе с ними. Так папа своей жизнью заплатил за наши.

*А по ветру то и дело
Листья шелестят.
Здесь июньским утром белым
Родилось дитя.
Нехорош младенец больно,
Девочка к тому ж!
Есть одна в семье — довольно
Этих женских душ!
Мать в слезах, отец растерян:
Ну, дождались дня!
Собралась у колыбели
Редкая родня.
Вот какая незадача!
А дитя — вопить,
Возвещая громким плачем
О желанье жить.*

*И сказала Grand tatan седая,
Близоруко щурясь сквозь лорнет:
«Что за драма, право, дорогая?
Будет и красотка, и поэт!»*

Я, когда родилась, была толстенькая и страшенькая (не в пример старшей сестрёнке), и все были расстроены, только бабушка Лидия Алексеевна, подняв свой неизменный лорнет, сказала: «Не понимаю, Лидочка, что ты расстраиваешься! Девочка будет красавица и поэтесса».

Ну, насчёт красавицы, может быть, слишком, хотя в молодости была очень недурна собой, да и позже друзья часто говорили, что годы мне к лицу. А вот поэзия действительно заявила о себе. И вот что интересно: в нашем роду было много талантливых людей в литературе, истории, живописи, но ни одного поэта. Откуда бабушке пришло в голову так определить моё назначение?

Думаю, что мои поэтические способности всё-таки от бабушки. Мама, хотя и рифмовала складно, всерьёз не писала. А я стала сочинять стихи с раннего детства. Мама, вообще-то достаточно скромная в подобных вещах, всё же не удерживалась, если был подходящий случай, рассказать о моём первом заявленном вслух опыте. В доме были гости, и четырёхлетнюю меня вынесли попроститься с ними. Дитя, сидя на руках у матери, произносит: «Отгадайте загадку: сначала в ротике, потом в животике, потом в кишочках, потом в горшочках». Гости смущённо заулыбались, а дитя со снисходительным видом — непонятливым взрослым: «И ничего такого нет — пища!»

Таким было начало. Начало пути в творчество. А детство... Я не помню своего раннего детства. То, что я написала, — это рассказы мамы и сестры Регины. Говорят, что некоторые помнят себя чуть ли не с двух лет или даже с рождения (Фрейд?). Я вообще плохо помню детство. Ощущениями? Эмоциями? Нет... Какими-то отдельными несвязанными картинками. Как вспоминаются отрывки сна... Сон... Может быть... Всё мое детство — сон, вся жизнь... Вся наша жизнь... А просыпаешься уже там, по ту сторону... Но это уже, как говорится, из другой оперы.

С мамой и сестрой за несколько дней до высылки. Ленинград, декабрь 1937

With my mother and sister a few days before the deportation. Leningrad, December 1937

Высылка. Поволжье

Около трёх лет мы скитались по Поволжью, с одного места на другое. Где именно — не помню, слишком мала была. Как мама справлялась с нами? Она никогда не жаловалась, ничего об этом не говорила.

Перед самой войной, в 1939 году, мы осели в Рыбинске, тоже на Волге. Там мама работала во дворце культуры. Мне очень нравилось, что мама работала во дворце! Он, кстати, был вполне приличным — чистым и просторным. Конечно, он не был таким, как в сказках, которых я наслушалась опять же от мамы, мы с сестрой ведь ни разу не засыпали без сказки, прочитанной или придуманной.

Мамины сказки мы, пожалуй, любили даже больше, чем прочитанные. Иногда они тянулись чуть ли не месяц от вечера к вечеру, и мы даже ждали конца дня, предвкушая продолжение.

О чём они были, не помню. Помню лишь, что были они из сегодняшней, ну или тогдашней, но близкой нам жизни, с захватывающими фантастическими приключениями и, конечно, всегда со счастливым концом.

Иногда мама приходила поздно, после концерта, где выступала её группа, или после вечерней репетиции со взрослыми любителями. Мы ложились в такие дни как всегда, как положено, задрёмывали, но, едва открывалась дверь, слушали, ждали. А мама снимала мокрые старые боты, раздевалась — и к нам. Объятия, тепло и сказка. Мы ведь не задумывались, что она устала, промокла, голодна. Мы ждали сказку и получали её. Это уже потом, повзрослев, я поражалась ей, её стойкости и любви к нам, детям. Мама была удивительным человеком. За всю свою жизнь я больше таких как она не встречала.

Поняла я это, конечно же, намного позже. Я ни разу не слышала от неё повышенного тона, выговора или упрёка. Если, бывало, я не делала того, о чём она меня просила, уходя на работу: убрать в комнате, вымыть посуду и тому подобное, — то, когда она возвращалась и, открыв дверь, всё это видела, её лицо вместо тёплого становилось отстранённым и каким-то холодным. Поцелуй был формальным. Она раздевалась, надевала передник и молча начинала уборку. «Ой, мамочка, я сейчас», — лепетала я, устыдившись, но слышала в ответ: «Ниченька, садись за стол, будем кушать». Мама говорила это спокойно, но холодно, а большего наказания, чем эта её холодность, мы с сестрой не могли представить. Потом, конечно, мирились, обнимались... И, конечно же, была сказка. И никогда ни одного упрёка, было ясно и так: мы всё поняли. «Больше не буду, мамочка!» — «Конечно, родная, я знаю», — отвечала она.

Мы, дети, считали, что папа погиб на фронте. Тему о его смерти мама никогда не затрагивала. Нет, конечно, изредка она рассказывала, как он нас любил, как, например, покупал корзину грибов и расставлял их в саду (правда, не знаю в каком), а потом мы их находили, собирали и, ужасно гордые и довольные, приносили маме.

Война началась очень неожиданно. Мама, взяв сестрёнку, в середине июня 1941 года уехала на олимпиаду в Москву, а я оставалась в круглосуточном детском садике. Тогда были такие садике,

где можно было оставить ребёнка на неделю. И вдруг... Сирены... Бомбёжка... Рыбинск ведь стали бомбить в самом начале войны. Из Москвы было не выехать — паника. Помню страх: где мама? Мне тогда только исполнилось шесть лет. От того детского сада в памяти осталось только бомбоубежище, куда надо было спустаться по лестнице и идти по доскам, лежащим в воде. А впереди темно. Конечно, я была не одна. Нас, нескольких ребятешек, вели туда взрослые воспитательницы, но всё равно было ужасно страшно. Вскоре маме удалось вырваться из Москвы. В бомбоубежище с мамой и с сестрой тоже страшно, но уже не так.

Эвакуация

В начале осени стали собираться в эвакуацию. Тюки, одеяла, подушки, плоски-ложки, маленький ящик с книгами из нашей когда-то большой домашней библиотеки. Кстати, интересно: в военных скитаниях почти всё было разворовано, растеряно, а вот книги остались. Наверное, они никому не были нужны в те времена. Те самые книги стоят у меня на полке до сих пор: томик Лермонтова, «Детство, отрочество и юность» Л. Толстого, «Князь Серебряный» А. К. Толстого и почему-то попавшие в этот ящик Метерлинк и Оскар Уайльд. Именно эти пять книжек были моим первым «серьёзным» чтением. Я знала их наизусть, но всё равно перечитывала снова и снова. Интересно также, даже символично, что каким-то чудом сохранилась тоненькая маленькая тетрадоочка, сшитая из старых нотных листов, где рукой моей сестрички — я-то писать в ту пору ещё не умела — записаны мои детские стишки с её рисунками. Эта «реликвия» у меня хранится до сих пор. Те стихи, конечно, очень примитивны, но ведь поэту тогда было пять-шесть лет. А вот одно, такое серьёзное, искреннее стихотворение мама записать не разрешила. Я, естественно, тогда не понимала почему, но помнила его наизусть. Впрочем, я до сих пор помню все свои творения.

Вот оно:

*Дорогой товарищ Сталин!
Шлю тебе я свой привет.
Ничего не посылаю,
Потому что у нас нет.
Нет ни кошек, ни собак —
Всё угнал коварный враг,
Разбомбил наш чудный дом,
Мы в сарайчике живём.
Даже бедную свинюшку
Расстрелял подлец из пушки!
Не осталось ничего,
Кроме фото твоего.*

Конечно, чудный дом, кошки, собаки и свинюшка — поэтические образы, а вот финал! Из-за этого и хранить этот «шедевр» мама опасалась.

А война продолжалась. Это вот здесь начиналось: «Вокзалы, вокзалы, дорога, дорога». В городе суматоха, паника, попасть на поезд, уходящий на восток, кажется почти невозможным. Эвакуация! Вокзал набит людьми, чемоданами, тюками — ни пролезть, ни протолкнуться. И так будет на всех вокзалах-остановках по пути. Иногда приходилось по нескольку дней ночевать на вокзале. Естественно, спать приходилось на полу, но ведь и пол весь занят — завален телами и вещами. Через них перешагиваешь, протискиваешься. А какое счастье, если повезёт отхватить местечко в углу или хотя бы у стенки!

Подходившие поезда, казалось, качались от нахлынувшей толпы и давки. До сих пор не понимаю, как маме всё же удавалось — не с первого раза, конечно, — втиснуться и запихнуть нас в вагон. Да ещё и вещи! А как без них? Уже осень, впереди зима. Шубы и одеяла всякие будут необходимы! А где же взять всё это? Сейчас, сегодня, даже нам, пережившим, это трудно понять, а молодым или даже средним поколениям? А ведь ничего не было: ни еды, ни жилья, ни одежды.

Так вот, вокзалы, поезда, посадки...

Денег не было, да и кому они были нужны в то время — ничего не купить! Когда нас высылали из Ленинграда, с собой разрешили взять немного вещей, естественно, недорогих. Но маме, которая очень любила красивые (конечно, настоящие) украшения: кольца, ожерелья и тому подобное, — удалось взять кое-что с собой, вернее, на себе, но прикрытое.

Так вот это её увлечение, если можно так сказать, несколько раз буквально спасло нас. Довольно ясно помню: мама снимает с пальца кольцо с очень красивым крупным камнем и отдаёт какому-то солдату, а он за это буквально проламывает нам путь к вагону и забрасывает нас, детей, и наши вещи в окно. А как сама мама втиснулась в вагон, не помню. На другой станции она отдала браслет за две буханки хлеба и большой ломоть сала. Мы ели его несколько дней. Я с тех пор на сало смотреть не могу.

В общем, ехали. Вагоны были набиты так, что не шагнуть. Я спала на чьих-то тюках и чемоданах, которые из-под меня постепенно вытаскивали. Их выкрадывали по ночам. Измучивались за день так, что не засыпали, а отключались. В итоге однажды я проснулась просто на голом полу. А ещё помню: остановка, мама протиснулась из вагона на станцию за водой. В вагоне воды не могло быть. Мама с солдатским котелком вышла на станцию, и вдруг поезд тронулся. Мы, прилипшие к окну, застыли в ужасе. Даже я в свои шесть лет, кажется, понимала, что если потеряемся здесь и сейчас, то это навсегда! Мы с сестрой даже плакать не могли. А поезд шёл, уже пригород. Вдруг опять остановка. Ночь. Мамы нет. Воды нет. Ничего нет. Стоим...

Она нашла нас на следующий день. Оказалось (какое это было счастье!), что наш поезд был переведён на запасной путь. Там стояли ещё два дня, но уже с мамой. А ведь в то время терялось столько детей, да и взрослых. Это было непередаваемо страшно. А ещё бомбёжки! Поезд вдруг останавливается, толпа вываливается в близлежащие канавы, а сверху грохот самолётов, и кругом взрывы, фонтаны земли, камней, дыма, огня. Нам везло: в наш поезд не попали ни разу. Видимо, враги бросали несколько бомб для устрашения на пути к более важной цели.

Нина и Регина. Декабрь 1937

Nina and Regina. December 1937

Вся эта дорога от Рыбинска до Урала, куда мы ехали, как я поняла, к папиному брату Генриху (они эвакуировались туда раньше), заняла около двух месяцев, так что во второй половине пути уже начались холода.

На одной из станций всех выдворили из поезда, объявив, что он дальше не пойдёт. Мы сидели и мёрзли на платформе, пока мама бегала в поисках выхода. Наконец, нас согласились взять в военный состав, который вёз раненых с фронта в тыл. Нас, детей, пожалели врачи и медсёстры и пустили в свой вагон. Это

была теплушка, то есть товарный вагон с нарами. Правда, мы чуть не лишились этого счастья, когда командир или начальник поезда, в общем, какой-то главный военный, делал обход и увидел, как закидывают в медицинский вагон наши тюки и сундучок (ещё сохранилось что-то, но потом и это разворуют).

Остановившись, он позеленел и велел немедленно всё это выбросить, но потом, увидев двух маленьких продрогших девочек, махнул рукой и ушёл. Позже нам рассказывали, что из-за одного чемодана его жену сбросили с грузовика и она разбилась насмерть. А мы ехали дальше.

В вагоне было тепло: посередине топилась круглая чугунная печка с длинной трубой через окно. На противоположных нарах медики ели бутерброды, по-моему, с сыром. Мы глотали слюни и старались на них не смотреть. Медики что-то спросили у нашей мамы и, видимо, поняв, что мы ничего не ели уже больше суток, достали хлеб и что-то ещё и протянули нам. Это был праздник. А потом горячий чай. С сахаром. Чудеса! Так мы ехали несколько суток. Они нас подкармливали. Мы оттаяли от страха и голода. Рядом мама и добрые люди. Не бомбят.

Берёзовск

Подъезжали к Берёзовску¹. Это такой небольшой (во всяком случае, тогда был небольшой) городок на юге Урала. Поскольку поезд был военный, он остановился за несколько километров от города на заснеженном полустанке, чтобы свернуть на свою военную зону.

Нас высадили. Это был даже не полустанок, а так, пересечение путей и сторожка, вернее, будка стрелочника посередине. И всё.

---

¹ Берёзовск (Берёзовский) — город в Свердловской области России, в 15 км от Свердловска (Екатеринбурга). — *Здесь и далее примечания Дениса Лазарева.*

Стрелочницей была уже не молодая женщина, баба, как сейчас пишут, описывая подобные лица: платок, ватник, валенки... Мы оказались на снегу между путями, чтобы не сказать на рельсах. Мама посадила нас на оставшийся чемодан и сундучок и пошла к стрелочнице. Кругом снег. Мороз под сорок градусов. Мы с сестрой, правда, во что-то закутаны, но всё же... Ждём. Это я помню очень хорошо: кругом снег, снег... С одной стороны виден почти белый лес вдаль, с другой — ничего, то есть, видимо, поле. И всё белое. Ужасно холодно. Время к вечеру, но ещё только чуть темнеет...

Вернулась мама. Стрелочница сказала, что пустить в свою будку она нас не может: запрещено. Про расписание поездов не знает: всё меняется. Правил нет. Надо идти в город. Это километров шесть, если не больше. Мама решила, но нас-то как оставить? А в ночи, в темноте мы точно не дойдём. Сидим. Мёрзнем. Не плачем. Не жалуемся. Вообще мы привыкли за это тяжкое время не плакать и не жаловаться. Правда, всё равно страшно, а главное, холодно.

Уже стемнело, когда стрелочница, наконец, сжалась и взяла нас к себе в будку. Не смогла видеть, как замерзают дети, а к утру мы бы точно замёрзли. Может быть, и не проснулись бы... Мы переночевали на полу у тёплой железной печурки, а рано утром мама пошла в город. Стрелочница напоила нас горячей водой (чая не было), правда, с кусочком сахара, и дала хлеба. Тихо ждём.

Мама вернулась только к вечеру, на небольшом грузовичке. Где и как она его нашла? Поблагодарив стрелочницу, подобрали так и валяющиеся между рельсами наши мешки и сундучок и погрузились.

Ехать было очень холодно, но, к счастью, не очень долго. Как мама расплачивалась с шофёром, не знаю. Нас выгрузили у местного вокзала, где мы и провели ночь. На полу, естественно, но нам не привыкать! Утром мама договорилась с начальником камеры хранения, и у нас взяли пару узлов, чемодан и маленький пакет с книгами. Сундучок взять отказались, и он так и остался в снегу на вокзальном дворе. А в нём, между прочим, было кое-что не очень нужное по тем временам, но, как потом оказалось, очень даже полезное. Это были, как их тогда называли, отрезки материалов, разных тканей, иногда даже шёлковых. Эти отрезки — кусками, рулона-

ми — тогда выдавали по карточкам, как и продукты. Мама получала их в своём дворце культуры и складывала в этот сундучок.

И вот что интересно: сундучок этот, со сбитым замком и сдвинутой крышкой, так и простоял на вокзальном дворе, засыпанный снегом, две недели, пока мама не нашла возможность приехать на вокзал в камеру хранения за вещами. И никто (это в такое-то время!) к сундучку даже не подошёл! Видимо, решили, что выброшен, а раз выброшен, то ничего полезного, тем более ценного, там быть не может. А оказывается, может. Вот так! Эти ткани нам потом очень пригодились. Носить-то было нечего, покупать негде и не на что. Мама шила нам из этой материи одежду, а ещё меняла ткани на еду. Здесь я должна сказать, что в прошлой, более-менее благополучной жизни маме почти не приходилось шить вещи или чинить одежду, поэтому поначалу иголку с ниткой она держала в руках не слишком уверенно. Да, она многого не умела, но быстро всему училась и даже стала вязать. Мама говорила: «Интеллигентный человек, если нужно, может всё!» И она могла.

Морозным утром мы потопали пешком. Куда? Я тогда не понимала, вернее, не задумывалась. Мама повела, значит, идём. А шли мы, как потом выяснилось, в городок Берёзовск, где обосновалась эвакуированная семья папиного брата. Правда, близких отношений у нас с ними не было. Шли километров около шести. Очень холодно. Мы, конечно, закутаны в платки до глаз, но всё равно мёрзнем ужасно. Потом оказалось, что сестричка отморозила нос, щёки и руки, хотя она была в варежках, мама — лицо, а я — ничего. Я вообще физически была крепче сестры.

В этом маленьком Берёзовске я почти ничего не помню. Видимо, мы сняли комнату. Мама устроилась в местный клуб или, как тогда называли, дом культуры, вести в самодеятельности танцевальный кружок.

Единственное довольно чёткое воспоминание: я сижу на большом сундуке, болтая ногами, не достающими до пола, и сочиняю стихи. Я одна, но не боюсь: привыкла. Вечер. Мама на работе, где сестра — не знаю. За окном гроза: ливень, молнии, ветер, — но мне не страшно. Даже наоборот, непогода как бы вдохновляет меня. Мне хочется сочинить что-то соответствующее.

щее ей, и обязательно, чтобы там властвовала «нечистая сила», что в моём незрелом сознании и ассоциировалось с непогодой, особенно с грозой. Вот так и получилось:

*Нечистая сила по небу гуляла,
И дождь барабанил по крышам везде,
Но песня героев, отважных героев
Звенела в отваге, звенела в труде!
А ветер ревнивой и яростной птицей
Там крыши железные рвёт,
И отблески молний, сверканье зарницы,
А в небе вдали самолёт.*

Оно было прочитано сестре, и она его записала. Я в шесть лет ещё писать не умела. Я была очень довольна собой: и герои, и песня отваги, и самолёт, — всё как надо, как диктовало время. А зарницы я, видимо, считала разновидностью молний. Мама меня похвалила, поцеловала, как всегда. На Урале мы жили около года, а потом переехали в Казахстан. Почему — не помню. Мама сказала, что так надо, значит, так надо.

Казахстан

Итак, Казахстан. Мама поступила балетмейстером в эвакуированный сюда украинский музыкальный театр². Почему этот театр был эвакуирован в село, а не в город, не имею представления. В памяти только большой барак — это театр, барак поменьше — это школа,

---

² Ахтырский драматический театр им. Шевченко; с 1941 г. находился в эвакуации в Казахстане; в 1944 г. вернулся на Украину в Ахтырку. В марте 1945 г. реорганизован в Тернопольский областной украинский музыкально-драматический театр им. Шевченко и переведён в Тернопольскую область; до 1948 г. базировался в Черткове, поскольку Тернополь был сильно разрушен.

куда я пошла в первый класс. Поначалу мы жили у кого-то из местных. Затрудняюсь сказать, как называлось это жилище: дом, а может, хата или мазанка... В общем, там была одна маленькая комната, где спали казахи-хозяева, и одна большая, где за занавеской, сооружённой мамой, ютились мы. Маленькие окошки, большая печь и глиняный пол. Этот пол надо было время от времени смазывать свежей мокрой глиной. Это вместо мытья. Ну и подметать, конечно. А печь нужно было топить кизяком — это сухие коровьи лепёшки. Их мы, да и все дети, собирали по степи. Кругом ведь была степь. Только степь. Как нам казалось, без конца и без края. Сухая трава и сухой коровий помёт. Там паслись коровы, овцы и лошади. Возле мазанок местные разводили небольшие огородики. Небольшие и зорко охраняемые, так как с водой было плохо. Колодцы далеко, таскать тяжело и трудно, а летом настала еле выносимая жара...

Ещё помнится, как зимой, когда по степи гуляла снежная вьюга, а случалось это часто, домишки до крыши засыпало снегом с подветренной стороны так, что из дома было не выйти, и те, у кого двери были не засыпаны, откапывали соседей. Ветра и бури там были длинные и страшные, так что после того, как печку протопишь, надо лезть по приставной лесенке на крышу — засовывать в трубу старые негодные одеяла, а сверху наваливать кирпичи, чтобы из дома тепло не выдуло. Обычные печные затворки не удерживали его.

Не знаю, были ли тогда радиосводки о погоде. Вряд ли. Однажды в ясный выходной день мама отправилась в город на базар, ведь в том посёлке, где мы жили, да и вокруг магазинов не было. Для этого нужно было пройти пять километров по степи до станции, а потом ещё час ехать на поезде до города. Ушла она рано утром, а в середине дня небо стало заволакивать и началась сумасшедшая вьюга. А мамы нет. Мы забились за свою занавеску и даже плакать не можем. Непогода началась, когда мама должна была возвращаться со станции. Поезд проходил по маршруту всего два раза в день. Смеркается. Вечер. Ночь. Мамы нет. Метёт так, что ничего вокруг не видно. Хозяйка, покачав головой, пошла к себе. Мы с сестричкой дрожим от страха и ждём. Ночь. Такая длинная, такая страшная... Под утро вьюга утихла. Мы дремлем, измученные этим жутким ожиданием, вздрагивая от каждого шороха.

Мама пришла домой в середине следующего дня. Живая! Как она потом рассказывала, буря застала её в степи на середине пути от станции. Крутило так, что было совершенно невозможно определить, в какую сторону идти. Замёрзла, а главное, ужасно устала, но понимала только одно: присесть нельзя — замёрзнешь насмерть. И она брела и брела сквозь эту метель куда глаза глядели, лишь бы не останавливаться, только бы не поддаться этой жуткой усталости... А к утру, когда стало проясняться, она добрела до какой-то чужой деревни, но там хоть можно было передохнуть. А уж оттуда по дороге (сколько километров ей предстоит идти, она не знала) добралась и до нас. Дорогу ей люди указали. Пришла. Живая! Мама! Родная! Такое счастье мы испытали во второй раз. В первый раз это было, когда она потерялась на станции, когда пошла за водой во время остановки, а поезд ушёл без неё.

А потом пришла весна. Степь зазеленела. Солнышко. У нашей хозяйки была старая банька. Они ею не пользовались, так как мылись у печки в ушатах. Мама спросила её, нельзя ли нам перебраться жить в эту баньку. Хозяйка удивилась: банька-то топилась по-чёрному, а это значит, что все стены, пол и потолок в копоти. На что мама ей сказала: «Ничего, отмоем», — и начала чистить. Это было нелегко: всё в саже. Мы, конечно, помогали как могли. И вот в один прекрасный день, когда были отмыты не только пол, стены, потолок, но и единственное маленькое окошко, мы переехали.

Мы с сестричкой спали на полатах, на которых после пара сушатся, а мама — на деревянной скамье. На окошко она повесила вырезанную из газеты затейливым узором бумажную занавеску. А ещё она соорудила такой же абажур для лампы. Она вообще была мастерица устраивать уют в любой обстановке.

Там, в Казахстане, не было не только ёлок, но и деревьев вообще — только кустики, а что поделать — степь. Вспоминается, как на Новый год мама принесла достаточно большую сухую ветку. Мы поставили её в железную банку и стали наряжать как ёлку. Ну, конечно, не игрушками, их и в помине не было, а всякими цветами и зверушками, которых мы вырезали из старых газет. У нас даже было два цветных карандаша, так что мы раскрашивали

наши поделки, и получалось очень красиво по нашим неизбалованным представлениям.

Казалось, что маминой изобретательности не было предела. Никаких игрушек мы не видели уже несколько лет, по крайней мере года три, так она из обрезов старого тряпья, какой-нибудь старой портьеры, в которую завязывали одежду при переездах, умела сотворить таких зверьков: зайчиков, собачек, мишек и так далее, — что мы любили их больше, чем настоящие игрушки, которые изредка видели у других детей или на базаре. Кстати, иногда мама выменивала свои творения на картошку, морковь и другие овощи, которые купить было невозможно. За деньги казахи со своих огородиков ничего не продавали. Деньги вообще тогда ничего не стоили. У казахов и выменять не всегда удавалось — мало у них было. Такие продукты, как крупа, растительное масло и мука, выдавали по карточкам сразу мешочками, на месяц. За ними надо было далеко ехать. Хлеб надо было печь самим, что мы и делали. Иногда выдавали даже не муку, а зерно, и тогда надо было ехать на мельницу и просить помочь. Мы, малые, конечно, не осознавали до конца всех этих трудностей.

Однажды мама, решив сварить нам пшённой каши, открыла закуток, где хранила припасы, и обнаружила пустой мешок. Всё пшено мы с сестрой скормили птицам. Мама огорчилась, но приготовила нам другую еду. Потом она объяснила, как трудно достать продукты и как высоко они ценятся. Она согласилась, что птиц, конечно, жалко, но дала нам понять, что птицам найти себе пропитание гораздо проще, чем людям. И, как всегда, никаких наказаний, никаких упрёков. Как же мы её любили!

Мама была очень добрым человеком не только с нами. Однажды к нам приковыляла приبلудная ободранная собака. Покормили чем могли, и она так и осталась жить возле нашей мазанки. Забыла, как мы её называли. А в другой раз мама купила, вернее, выменяла у соседки курицу-несушку и десяток яиц. «Хоть попробуем курятины», — сказала она. Сколько времени эта курица высиживала своих цыплят, не помню, но помню, как они вывелись — маленькие, пушистые — и стали расти. Подкармливали их, а курицу надо было зарезать для собственного пропитания.

Зарезать! Слово-то какое страшное. Естественно, мама на это не была способна. Даже просить соседей не смогла, ведь курица уже своя. А детей, то есть нас, кормить надо.

Выход был найден, соответствующий и ситуации, и маминей натуре. Курица была отнесена в соседнюю деревню (не так уж и близко, между прочим, пешком-то!) и обменена на чужую, уже зарезанную, ошипанную и, конечно, тощую. Но суп из неё ели целых два дня! Потом таким же манером обменивали подрастающих цыплят, которых мы с сестрой потихоньку подкармливали своей крупой.

А ещё там мама научилась вязать, а шерсть и другие нитки получала в обмен на сшитых ею, как я уже говорила, из старых плюшевых обрезков и других тряпок разных детских зверюшек и куколок. У местных детей вообще никаких игрушек не было. Кстати, один такой маленький пёсик, сбережённый мною, хранится у меня до сих пор. Сколько ему лет? Да уж восемь десятков! У него немного помятый ободранный хвостик и грустные глазки-бусинки. Видимо, он помнит всё, что довелось пережить. Мой пёсик маленький, коричневого и очень трогательный. Я его люблю и берегу. А там уж... Не знаю, сберегут ли его внуки...

Вот так и жили там, в степном Казахстане. Еда какая-никакая была, только вот ни овощей, ни фруктов, отсюда и цинга. У сестрички сильно кровоточили дёсны, а у мамы чуть ли не все зубы выпали. А мне всё нипочём! Даже странно.

Почему-то совсем не помню школу, начало... Хотя нет, чуть-чуть помню, вернее, не школу, не класс, а тетрадки, которые делали из газетных листов, — бумаги и в помине не было. Мама аккуратно вырезала газетные листики, складывала и сшивала их в тетрабочку. Писали мы, первоклассники, между газетных строк. Все так делали. По крайней мере там, в казахской степи.

А война продолжалась, но уже началось наше наступление, и, когда освободили Украину, эвакуированный в Казахстан театр стал собираться на родину. Мы уезжали вместе с ним. Маму всегда очень ценили и любили на всех работах, которые у неё были. Так что едем. Не привыкать! Куда и зачем? Я не понимала, не знала, да и не задумывалась.

Украина

Так и хочется написать: как удивила и согрела меня зелёная цветущая Украина! Но ведь мне это отсюда, из настоящего, так думается, а как я это почувствовала тогда, не помню. Но вполне возможно, что так и было: после казахской степи — летняя Украина! Местечко, куда мы приехали, называлось Ахтырка³. Кажется, это было лето, а может, весна... Зелень! Деревья, кусты, цветы, трава! Солнце! Где жили, у кого? В какой-то комнатёнке — не запомнилось. Осенью пошла в школу — тоже не запомнилось.

А вот сады, созревающие яблоки и вишни я увидела впервые, и со сверстниками (я дружила в основном с мальчишками, хотя озорницей, по-моему, никогда не была) мы бегали по чужим садам за ягодами и яблоками, а значит, воровали! Но над этим не задумывались, наедались этим богатством, а вот домой не носили, значит, понимали, что делаем что-то плохое? Да, наверное, но не задумывались.

А ещё помнится, что людям, может быть, служащим, выдавали за городом кусок земли. Вспаханной трактором. И маме выдали. По карточкам мы получали мешок картошки и семян подсолнуха. Картошку мы съедали, а кожуру и кусочки головки сажали в ту землю. Семечки мы тоже туда сажали. Конечно, никто за этими посевами не ухаживал, не полыл, не окучивал. Но земля украинская (в школе меня научили, что называется она чернозём) была такой благодатной и щедрой, что сама всё выращивала. Приедем как-нибудь летом посмотреть, что там у нас выросло, а подсолнухи приветливо качают своими солнечными головками, и растёт картошка, хоть вокруг неё сорняки выше, чем она сама. Загляденье!

А картошка потом оказалась крупная и вкусная, несмотря на то что посажена была малыми отрезками. Как выкапывали и собирали, не помню. А вот подсолнухи нужно было, обрезав, везти на специальную базу вроде мельницы, где из них выжимали душистое подсолнечное масло, а жмых (выжимку) плитками выдавали

---

³ Ахтырка (укр. Охтирка) — город в Сумской области Украины, в 80 км от Сум.

нам вместе с бутылками масла. Тогда мне казалось, что вкусней этих жмыхов ничего и быть не может. Разве что ворованная вишня. Потом ещё были и арбузы, и помидоры, и огурцы, но их нужно было покупать. К сожалению, нечасто мы могли себе позволить такое удовольствие, потому что жили в режиме строгой экономии — денег-то не было.

Прожили мы там около года, а мамин, как мы его звали, театр возвращался дальше, в уже освобождённую Западную Украину, откуда он и был родом. Ну и мы с ним. Да, вспомнилось, что школа там была украинская, и все уроки на украинском языке. Но мы освоили его довольно быстро, он ведь с русским в родстве. Честно говоря, он мне не нравился, всё казался исковерканным русским. А вот песни! Особенности они какие-то! Я их запомнила на всю жизнь. Ещё мне нравились национальные костюмы и танцы. Театр, в котором мама работала, был музыкальный. И позже, где бы мама ни работала, в любой самодеятельности украинские танцы всегда были в её программах. И вот мы опять едем.

Чертков, Западная Украина

Городок назывался Чертков⁴. Это было Прикарпатье, и окружён он был горами, ущельями и оврагами. Помню, как по каменистой тропинке, по самому краю, правда, не очень глубокого, но ущелья мы, дети, пробирались (опять я была с мальчишками!) к тому месту, где наверху, невысоко, начинался городок. А по краю этого верха задними стенками к ущелью стояли старые деревянные склады.

Мальчишки отдирали от этих стенок доски и вытаскивали что-нибудь лёгкое (опять, значит, воровали!). Я стояла на стрёме.

---

⁴ Чертков (укр. Чортків) — город в Тернопольской области Украины, в 75 км от Тернополя.

ISBN 978-1-960533-77-7

www.mgraphics-books.com
mgraphics.books@gmail.com